Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ о Джубейре ибн Умейре и Будур

Рассказывают также, что повелитель правоверных Харун ар-Рашид както ночью беспокоился, и ему трудно было заснуть, и он все время ворочался с боку на бок от сильного беспокойства. И когда это его обессилило, он призвал Масрура и сказал ему: "О Масрур, придумай, кто развлечет меня в эту бессонницу". И Масрур ответил: "О владыка, не хочешь ли пойти в сад, который при доме, и поглядеть, какие там цветы, и посмотреть на Звезды, как они хорошо расставлены, и на луну, светящую над водой?" - "О Масрур, моя душа не стремится ни к чему такому", - ответил халиф. И Масрур сказал: "О владыка, у тебя во дворце триста наложниц и у каждой наложницы комната. Прикажи им вдвоем уединиться в своих комнатах, а сам ходи и смотри на них, когда они не будут стонать". - "О Масрур, - сказал халиф, - дворец - мой дворец, и невольницы - мое достояние, но только душа моя не стремится ни к чему такому".

И Масрур сказал: "О владыка, вели ученым, мудрецам и стихотворцам явиться к тебе, и пусть они обсуждают вопросы и говорят стихи и рассказывают сказки и предания". Но халиф ответил: "Душа моя не стремится ни к чему такому". - "О владыка, - сказал Масрур, - прикажи слугам, сотрапезникам и остроумцам явиться к тебе, и пусть они тебя развлекают удивительными шутками". По халиф отвечал: "О Масрур, моя душа не стремится им к чему такому". И тут Масрур воскликнул: "О владыка, отруби мне тогда голову..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать восьмая ночь

Когда же настала триста двадцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Масрур сказал халифу: "О владыка, отруби мне тогда голову - может быть,

Это прогонит твою бессонницу и прекратит беспокойство, которое ты испытываешь".

И ар-Рашид засмеялся его словам и сказал: "О Масрур, посмотри, кто у дверей из сотрапезников". И Масрур вышел, и потом вернулся и сказал: "О владыка, у двери Али ибн Мансур альХалии ад-Димашки". - "Ко мне его!" воскликнул халиф. И Масрур ушел и привел ибн Мансура, и, войдя, тот сказал: "Мир тебе, о повелитель правоверных!" И халиф ответил на его приветствие и молвил: "О ибн Мансур, расскажи нам какой-нибудь из твоих рассказов". - "О повелитель правоверных, рассказать тебе то, что я видел воочию, или то, что я слышал?" - спросил ибн Мансур. "Если ты видел что-нибудь диковинное, расскажи нам, ибо рассказ не то, что лицезрение", - отвечал повелитель правоверных. И Али оказал: "О повелитель правоверных, освободи для меня твой слух и твое сердце". - "О ибн Мансур, я слушаю тебя ухом, смотрю на тебя оком и внимаю тебе сердцем", - ответил халиф.

"О повелитель правоверных, - сказал тогда Али, - знай, что мне на каждый год назначено жалованье от Мухаммеда ибн Сулеймана аль-Хашими, султана Басры, и я отправился к нему по обычаю, и, прибыв к нему, увидел, что он собрался выезжать на охоту и ловлю. И я приветствовал его, и он ответил мне приветствием и сказал: "О ибн Мансур, поедем с нами на охоту". Но я отвечал ему: "О владыка, нет у меня сил ехать верхом. Помести меня в доме гостей и поручи придворным и наместникам заботиться обо мне".

И он сделал так и отправился на охоту, а мне оказали наивысшее уважение и угостили меня наилучшим угощеньем. А я сказал себе: "О диво Аллаха! Я уже давно прихожу из Багдада в Басру, но ничего не знаю в Басре, кроме дороги от дворца к саду и от сада ко дворцу. Как не воспользоваться мне таким случаем и не прогуляться по Басре, если не в этот раз? Я сейчас встану и пойду один по городу". И я надел свои самые роскошные одежды и пошел гулять по Басре. А тебе известно, о повелитель правоверных, что в ней семьдесят улиц длиной каждая в семьдесят фарзахов иракской мерой, и я заблудился в ее переулках и почувствовал жажду. И я шел, о повелитель правоверных, и вдруг вижу большую дверь с двумя кольцами из желтой меди, и на дверь были опущены красные парчовые занавески, а рядом с нею стояли две скамьи, а над нею была решетка для виноградных лоз, которые осеняли эту дверь. И я остановился, разглядывая это, и пока я стоял, я вдруг услышал голос и стоны, исходившим из печального сердца, и голос этот переливался в напеве и произносил такие стихи:

"Недугов и напастей вместилище плоть моя,

Виною тому газель, чей дом и земля вдали.

О ветры зарудские, что подняли грусть во мне,

Аллахом, творцом молю, вы в дом заверните мой.

Газель упрекните вы - укоры смягчат ее,

Скажите получше вы, когда она будет вам

Внимать, и о любящих вы речь заведете "с ней.

Добро сотворите мне по вашей вы милости.

Намек обо мне вы ей подайте в речах своих:

"Что сталось с рабом твоим? Его убиваешь ты

Разлукой, хоть нет вины за ним и послушен он.

Других не любил душой, без толку не говорил,

И клятв не нарушил он и не был жесток с тобой?"

Ответит она улыбкой, скажете мягко вы:

"Не дурно бы близостью тебе поддержать его,

Поистине, он в тебя влюблен, как и следует,

И око его не спит-рыдает и плачет од".

И если она согласна будет - в том наша цель,

А если увидите вы гнев на лице ее,

То ей возразите вы, сказав: "Он неведом нам".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И я сказал про себя: "Если исполнивший эту песню красив, то он соединил в себе красоту, красноречие и прекрасный голос".

Потом я подошел к двери и стал понемногу приподнимать занавеску, и вдруг увидел белую девушку, подобную луне в четырнадцатую ночь, – со сходящимися бровями, томными веками и грудями, как два граната, и уста ее были нежны и подобны ромашке, а рот ее походил на печать Сулеймана, и ряд зубов играл разумом нанизывающего и рассыпающего, как сказал о нем поэт:

О жемчуг в устах любимых, кем вложен ты,

Кто влагу вин и ромашку вложил в уста?

И кто у зари улыбку взял в долг твою,

И кто замком из коралла замкнул тебя?

Ведь всякий, кто тебя увидит, от радости

Кичится, а кто целует, как быть тому.

А вот слова другого:

О жемчуг в устах любимых,

Будь милостив ты к кораллу,

Над ним не превозносись ты,

Ты не был ли найден сирым?

А в общем, она объяла все виды красоты и стала искушением для женщин и мужчин; не насытится видом ее красоты смотрящий, и такова она, как сказал о ней поэт:

Придя, она убивает нас, а уйдет когда,

Людей в себя влюбленными всех делает.

Она солнечна, луне подобна, но только ей

Суровость, отдаление не свойственны.

Сады Эдема в ее рубашке открыты нам,

И луна на небе над воротом ее высится.

И пока я смотрел на девушку через просветы занавески, она вдруг обернулась и увидела, что я стою у двери, и сказала своей невольнице: "Посмотри, кто у двери". И невольница поднялась и подошла ко мне и сказала: "О старец, или у тебя нет стыда, или седина Заодно с постыдным?" – "О госпожа, – ответил я ей, – что до седины, то о ней мы знаем, а что до постыдного, то не думаю, чтобы я пришел с постыдным". – "А что более постыдно, чем врываться не в свой дом и смотреть на женщину из чужого гарема?" – спросила ее госпожа. И я сказал ей: "О госпожа, для меня есть извинение". – "А какое извинение?" – спросила она. "Я чужеземец, мучимый жаждой, и жажда убила меня", – отвечал я. И девушка сказала: "Мы приняли твое извинение..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста двадцать девятая ночь

Когда же настала триста двадцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала: "Мы приняли твое извинение". А затем она позвала какую-то невольницу и сказала ей: "О Лутф, дай ему выпить глоток из золотого кувшина".

И невольница принесла мне кувшин из червонного золота, украшенный жемчугом и драгоценностями, полный воды, смешанной с благоухающим мускусом, и был покрыт кувшин платком из зеленого шелка. И я стал пить, затягиваясь питьем и украдкой поглядывая на девушку, и простоял долго, а потом я возвратил кувшин невольнице и продолжал стоять. "О старец, иди своей дорогой", – оказала девушка. И я отвечал ей: "О госпожа, мои мысли заняты". – "Чем же?" – спросила она. "Думами об изменчивости времени и превратностях случая", – отвечал я. "Ты имеешь на это право, ибо время приносит дивное, – молвила девушка. – Но какое из его чудес ты увидел, что думаешь о нем? " – "Я думаю о хозяине этого дома – он был моим другом при жизни", – отвечал я. "Как его имя?" – спросила она. И я сказал: "Мухаммед ибн Али, ювелир, и у него были большие деньги. Оставил ли он детей?" – "Да, он оставил дочь, которую зовут Будур, и она унаследовала все его деньги", – отвечала девушка. "И это ты его дочь?" – спросил я. И она ответила: "Да", – и засмеялась, а потом она сказала: "О старец, ты затянул речи; иди же своей дорогой". – "Уйти неизбежно, – ответил я, но только я вижу, что твои прелести изменились. Расскажи мне о своем деле, может быть Аллах пошлет тебе помощь через мои руки". – "О старец, сказала девушка, – если ты из людей тайны, мы откроем тебе нашу тайну. Расскажи мне, кто ты, чтобы я знала, можно ли тебе доверять тайны, или нет. Поэт сказал:

Лишь тот может тайну скрыть, кто верста останется

И тайна сокрытою у лучших лишь будет.

Я тайну в груди храню, как в доме с запорами,

К которым потерял ключ, а дом за печатью".

"О госпожа, – ответил я, – если твоя цель узнать, кто я, то знай – я Али ибн Мансур аль-Халии, сотрапезник повелителя правоверных Харуна ар-Рашида".

И когда девушка услышала мое имя, она сошла с седалища и приветствовала меня и сказала: "Добро пожаловать тебе, о ибн Матасур. Теперь я тебе расскажу о своем положении и доверю тебе свою тайну. Я влюбленная, разлученная". – "О госпожа, – сказал я ей, – ты красива и можешь любить только тех, кто прекрасен. Кого же ты любишь?" – "Я люблю Джубейра ибн Умейра аш-Шейбани, эмира племени Шейбан", – ответила девушка и описала мне юношу, лучше которого не было в городе Басре. И я спросил ее: "О госпожа, было ли между вами сближение, или переписка?" – "Да, – отвечала девушка, – но он любил нас любовью языка, а не сердца и души, так как он не исполнил обещания и не соблюл договора". – "О госпожа, а в чем причина вашей разлуки?" – спросил я. И девушка отвечала: "Вот ее причина. Однажды я сидела, и эта невольница расчесывала мне волосы, а окончив их расчесывать, она заплела мне косы, и ей понравилась моя красота и прелесть, и она нагнулась ко мне и поцеловала меня в щеку. А он в это время незаметно вошел и видел это, и, увидав, что невольница целует меня в щеку, он тотчас же повернул назад, гневный, намереваясь навсегда разлучиться, и произнес такое двустишие:

"Коль буду делить любовь любимого с кем-нибудь,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Оставлю любимого, один заживу я.

Добра нет в возлюбленном, когда он в любви своей

Того, чего любящий желает, не хочет".

И с тех пор как он ушел, отвернувшись от меня, и до сего времени к нам не пришло от него ни письма, ни ответа, о ибн Мансур". – "Чего же ты хочешь?" – спросил я ее. И она сказала: "Я хочу послать ему с тобой письмо, и если ты принесешь мне ответ, у меня будет для тебя пятьсот динаров, а если ты не принесешь мне ответа, тебе будет за то, что ты сходил, сто динаров". – "Делай что хочешь", – молвил я. И девушка сказала: "Слушаю и повинуюсь!" А потом она кликнула одну из своих невольниц и оказала: "Принеси мне чернильницу и бумагу". И невольница принесла ей чернильницу и бумагу, и девушка написала такие стихи:

"Любимый, что значит удаленье и ненависть,

И где снисходительность и мягкость взаимная?

Зачем отвернулся ты, покинул меня теперь?

Лицо твое уж не то, которое знала я.

Да, сплетники донесли про нас тебе ложное,

Ты внял их речам, они безмерно прибавили.

И если поверил ты речам их, то будь далек,

Любимый, от этого – ты знаешь ведь лучше их.

Молю твоей жизнью я, – скажи мне, что слышал ты,

Ты знаешь, что говорят, и будешь ты справедлив.

И если действительно слова я сказала те,

Словам объяснение есть, и разно значенье слов.

Допустим, что слово то Аллахом ниспослано

И Тора [362] изменена людьми и испорчена.

Поддельного прежде нас немало уж сказано,

Ведь вот перед Яковом порочили Юсуфа.

И нам, и тебе, и мне, и также доносчику

Готовится грозный день, когда мы предстанем все".

Потом она запечатала письмо и подала его мне, и я взял его и пошел к дому Джубейра ибн Умейра ашШейбани. И оказалось, что Джубейр на охоте, и я сел подождать его, и пока я сидел, вдруг он приехал с охоты, и когда я увидел его верхом, о повелитель правоверных, мой разум смутился от его красоты и прелести. И Джубейр обернулся и увидел, что я сижу у ворот его дома, и, увидев меня, сошел с коня, и, подойдя ко мне, обнял меня и приветствовал, и представилось мне, что я обнял весь мир со всем, что в нем есть. Потом он вошел со мной в дом и посадил меня на свою постель и велел подать столик. И подали столик из хорасанского клеша с золотыми ножками, и были на нем всякие кушанья и всевозможное мясо, пожаренное на сковородке или на вертеле, и подобное этому. И, усевшись за столик, я стал внимательно его разглядывать и увидел, что на нем написаны такие стихи..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцатая ночь

Когда же настала ночь, дополняющая до трехсот тридцати, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Али ибн Мансур говорил: "И, усевшись за столик Джубейра ибн Умейра аш-Шейбани, я стал внимательно его разглядывать и увидел, что на нем написаны такие стихи:

Постой с журавлями ты у табора мисок [363],

И в стане расположись жаркого и дичи.

Поплачь о птенцах ката, – о них вечно плачу я,

О жареных курочках с цыплятами вместе.

О горесть души моей о двух рыбных кушаньях

На свежей лепешечке из плотного теста!

Аллаха достоин ужин тот! Как прекрасен он,

Коль зелень макаю я в разбавленный уксус,

И рис в молоке овец, куда погружаются

Все руки до самого предела браслетов.

Терпенье, душа! Аллах, поистине, милостив.

И если бессилен ты, он даст тебе помощь,

Потом Джубейр ибн Умейр сказал: "Протяни руку к нашему кушанью и залечи нам сердце, поев нашей пищи". – "Клянусь Аллахом, – ответил я ему, – я не съем ни одного кусочка твоего кушанья, пока ты не исполнишь моей нужды!" – "Что у тебя за нужда?"спросил он. И я

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
вынул письмо, и, когда Джубейр прочитал его и понял, что в нем было, он разорвал его и кинул на землю и сказал мне: "О ибн Мансур, каковы бы ни были твои нужды, мы их исполним, кроме этой, которая относится к написавшей это письмо, - на ее письмо нет у меня ответа".

И я поднялся сердитый, а он уцепился за мой подол и сказал мне: "О ибн Мансур, я расскажу тебе о том, что она тебе сказала, хотя меня и не было с вами". - "Что же она мне сказала?" - спросил я, и Джубейр ответил: "Разве не сказала тебе написавшая это письмо" "Если ты мне принесешь от него ответ, у меня будет для тебя пятьсот динаров, а если не принесешь мне от него ответ, у меня будет для тебя, за то, что ты сходил, сто динаров?" - "Да", - ответил я. И юноша сказал" "Сиди сегодня у меня - ешь, пей, наслаждайся и веселись и возьми себе пятьсот динаров". И я сидел у него и ел, и пил, и наслаждался, и веселился, и развлекал его рассказами, а потом я сказал: "О господин, нет в твоем доме музыки?" - "Мы уже долгое время пьем без музыки", - ответил он мне. А потом позвал кого-то из своих невольниц и крикнул: "О Шеджерет-ад-Дурр!" И невольница ответила ему из своей комнаты, а у нее была лютня - изделие индусов - завернутая в зеленый шелковый чехол. И невольница пришла и села и, положив лютню на колени, прошлась по ней на двадцать одни лад, а затем она вернулась к первому ладу и, заведя напев, произнесла такие стихи:

"Кто не вкусил любви услады и горечи,

Отличить не может сближения от разлуки тот,

Точно так же тот, кто отклонится от путей любви,

Отличить не может пути крутого от ровного,

Неизменно я возражал влюбленным, покуда сам

Ее горечи и услад ее не изведал я,

Я не выпил чаши насильно я ее горечи,

Не унизился перед рабам ее и владыкой я.

Как часто ночь любимый проводил со мной,

И сосал я сладость слюны его из уст его.

Сколь краткой жизнь ночей любви для пас была.

С зарею вместе вечер наступал ее.

Дал обет злой рок, что заставит он разлучиться нас,

И теперь исполнил обет, им данный, суровый рок.

Так судило время, и нет отмены суду его.

Кто препятствовать господину станет в делах его?"

И когда невольница окончила свое стихотворение, ее господин закричал великим криком и упал без памяти, а невольница сказала: "Да не взыщет с тебя Аллах, о старец! Мы долгое время пьем без музыки, боясь для нашего господина припадка, подобного этому. Но ступай в ту комнату и спи там".

И я отправился в комнату, которую она мне указала, и проспал там до утра, и вдруг пришел ко мне слуга, у которого был мешок с пятью сотнями динаров и сказал мне: "Вот то, что обещал тебе мой господин, но только не возвращайся к девушке, которая послала тебя, и пусть будет, как будто ни ты не слышал об этой истории, ни мы не слышали". - "Слушаю и повинуюсь!"отвечал я и взял мешок и отправился своей дорогой, говоря про себя: "Девушка ждет меня со вчерашнего дня. Клянусь Аллахом, я не премину вернуться к ней и расскажу ей, что произошло между мною и юношей, так как, если я не вернусь к ней, она, может быть, станет меня бранить и бранить всякого, кто пришел из моей страны".

И я отправился к девушке и нашел ее стоящей за занавеской, и, увидав меня, она сказала: "О ибн Мансур, ты не исполнил моей нужды?" - "Кто осведомил тебя об этом?" - спросил я. И она оказала: "О ибн Мансур, я открыла еще и другое: когда ты подал ему бумажку, он разорвал ее и бросил и сказал тебе: "О ибн Мансур, какие бы ни были у тебя нужды, мы все исполним, кроме того, что нужно писавшей эту бумажку - нет для нее у меня ответа". И ты поднялся сердитый, и он вцепился в твой подол и сказал тебе: "О ибн Мансур, сиди у меня, сегодня ты мой гость. Ешь, пей, наслаждайся, и веселись, и возьми себе пятьсот динаров". И ты сидел у него, ел и пил, и наслаждался, и веселился, и развлекал его рассказами, и невольница спела такуюто песню с такими-то стихами, и он упал без памяти".

И я спросил ее, о повелитель правоверных: "Разве ты была с нами?" И она сказала: "О ибн Мансур, разве не слышал ты слов поэта:

Сердца влюбленных, право, имеют очи,

И видят то, что видящий не видит.

Но только, о ибн Мансур, ночь и день не сменяются над вещью без того, чтобы изменить ее..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать первая ночь

Когда же настала триста тридцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала: "Но только, о ибн Мансур, ночь и день не сменяются над вещью без того, чтобы изменить ее".

И потом она подняла глаза к небу и сказала: "Боже мой и господин и владыка, как ты испытал меня любовью к Джубейру ибн Умейру, так испытай его любовью ко мне, если даже любовь перейдет из моего сердца в его сердце".

И затем она дала мне сто динаров за мой путь, и я взял их и пошел к султану Басры и увидел, что тот уже приехал с охоты. И я взял у него положенное и вернулся в Багдад.

Когда же наступил следующий год, я отправился в город Басру, чтобы попросить, как обычно, положенное мне жалованье, и султан дал мне положенное. И когда я хотел возвратиться в Багдад, я стал размышлять про себя о девушке Будур и сказал: "Клянусь Аллахом, я непременно пойду к ней и посмотрю, что произошло у нее с ее другом".

И я пришел к ее дому и увидел, что у ворот подметено и полито, и что там стоят слуги, челядинцы и прислужники, и сказал про себя: "Быть может, забота в сердце девушки перелилась через край и она умерла, и поселился в ее доме эмир из эмиров?" И я ушел и вернулся к дому

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Джубейра ибн Умейра аш-Шейбани и знал, что скамьи перед ним обвалились, и не нашел возле его дома слуг, как обычно, и тогда я сказал себе: "Быть может, он умер".

И я стал у ворот его дома и принялся лить слезы и оплакивать дом такими стихами:

"Владыки, что тронулись, и сердце идет им всюду,

Вернитесь - вернетесь вы, вернется и праздник мой.

Стою я у ваших врат, оплакиваю ваш дом,

И льется слеза моя, и веки друг друга бьют,

И дом вопрошаю я, рыдая, и ставку их,

Где тот, кто и милости и щедрость оказывал?

Иди же путем своим, - любимые тронулись

С полей, и закиданы землею они теперь.

Аллах, не лиши меня возможности видеть их

Красоты и вдоль и вширь, и свойства их сохрани!"

И пока я оплакивал жителей этого дома такими стихами, о повелитель правоверных, вдруг бросился ко мне из дома черный раб и сказал: "О старец, замолчи, да лишится тебя твоя мать! Что это ты, я вижу, оплакиваешь этот дом такими стихами?" - "Я знал, что он принадлежал одному из моих друзей", - ответил я. "А как его имя?" - спросил негр. И я ответил: "Джубейр ибн Умейр аш-Шейбани". - "А что же с ним случилось?" - воскликнул негр. "Слава Аллаху, вон он - по-прежнему богат и благоденствует и властвует, но только Аллах испытал его любовью к девушке, которую Зовут Ситт-Будур, и он залит любовью к ней, и от сильной страсти и мучения он подобен большому брошенному камню. Если он проголодается, то не говорит: "Накормите меня", а если захочет пить, не говорит: "Напоите меня".

"Попроси для меня разрешения войти к нему", - сказал я. И раб ответил: "О господин, войдешь ли ты к тому, кто разумеет, или к тому, кто не разумеет?" - "Я непременно войду к нему при всех обстоятельствах!"сказал я, и раб вошел в дом, чтобы спросить позволения, а потом он вернулся ко мне с разрешением. И я вошел к Джубейру и увидал, что он подобен брошенному камню и не понимает ни знаков, ни объяснений. Я заговорил с ним, но он не заговорил со мною, и один из слуг его сказал мне: "О господин, если ты помнишь какие-нибудь стихи, скажи их ему и возвысь голос, тогда он очнется и обратится к тебе".

И я произнес такие два стиха:

"Позабыл ли ты о любви к Будур, или стоек все?

И не спишь ночей, или сон смежает глаза твои?

Если льются слезы твои струей изобильною,

То знай - в раю навеки поселишься ты",

И, услышав это стихотворение, Джубейр открыл глаза и сказал: "Добро пожаловать, о ибн Мансур! Забава стала значительным делом". - "О господин, - спросил я, - есть ли у тебя нужда ко мне?" - "Да, - отвечал Джубейр, - я хочу написать ей письмо и послать его к ней с тобою. И если ты принесешь мне ответ, у меня будет Для тебя тысяча динаров, а если не принесешь ответа, у меня будет для тебя, за то, что ты сходил, двести динаров". И я сказал ему: "Делай что тебе вздумается..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать вторая ночь

Когда же настала триста тридцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ибн Мансур говорил: "И я сказал ему: "Делай что тебе вздумается!" И он позвал одну из своих невольниц и сказал: "Принеси мне чернильницу и бумагу!" И когда она принесла ему то, что просил Джубейр, он написал такие стихи:

"Владыки, молю Аллахом, будьте помягче вы

Со мною, - любовь ума во мне не оставила.

Любовь овладела мной, и страсть к вам, поистине,

В болезни меня одела, ею унижен я.

Ведь прежде преуменьшал я силу любви своей,

Ничтожной, о господа, и легкой считал ее.

Когда ж показала страсть мне волны морей своих,

По воле Аллаха тех простил я, кто знал любовь.

Хотите вы сжалиться - любовь подарите мне,

Хотите убить меня - припомните милость".

Потом он запечатал письмо и подал его мне, и я взял его и отправился к дому Будур. И я стал, как всегда, мало-помалу приподнимать занавеску и вдруг увидел десять невольниц, высокогрудых дев, подобных лунам, и госпожа Будур сидела между ними, точно месяц среди звезд или солнце, когда оно раскроется от облаков, и не было у нее ни мучений, ни страданий. И когда я смотрел на нее и дивился этим обстоятельствам, она вдруг бросила на меня взгляд и" увидав, что я стою у дверей, сказала: "Приют и уют!"

И я вошел и приветствовал Будур и показал ей бумажку, и, прочитав ее и поняв, что в ней было, девушка засмеялась и сказала: "Мне, о ибн Мансур, не солгал поэт, когда сказал:

Поистине, я любовь к тебе стойко выдержу,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Лака явится от тебя ко мне посланник.

О ибн Мансур, вот я напишу для тебя ответ, чтобы тот человек дал тебе то, что он обещал". – "Да воздаст тебе Аллах благом!" – сказал я ей. И она позвала одну из своих невольниц и сказала: "Принеси мне чернильницу и бумагу!" И когда невольница принесла ей то, что она потребовала, девушка написала Джубейру такие стихи:

"Почему обет соблюла я свой, а вы предали?

Как вы видели, справедлива я, и обидели.

Вы ведь первые на разрыв пошли с жестокостью,

И вы предали, и предательство от вас пошло.

Всегда в пустыне помнила обеты я,

Вашу честь всегда охраняла я и клялась за вас,

Но увидела своим оком я неприятное,

И услышала я про вас тогда вести скверные.

Унижать ли буду сама свой сан, чтоб поднять ваш сан?

Поклянусь творцом – уважали б вы – уважали б вас.

Отвращу я сердце от вас свое и забуду вас,

Отряхну я руки, на вас утратив надежды все".

"Клянусь Аллахом, о госпожа, – он далек от смерти лишь до тех пор, пока не прочитает эту записку", – воскликнул я, и затем я разорвал бумажку и сказал девушке: "Напиши ему другие стихи". – "Слушаю и повинуюсь!" – ответила она и затем написала такие стихи:

"Я утешилась, и сладостен для глаза сон.

И со слов хулящих слыхала я о случившемся.

Согласилось сердце забыть о вас и утешиться,

И решили веки, когда вас нет, не бодрствовать.

Лгут сказавшие: "Отдаленье-горечь!" Поистине,

Мне даль на вкус как сахар сладкой кажется,

Ненавижу ныне я всякого, кто помянет вас,

Возражая мне, и дурное я ему делаю.

Я забыла вас всеми членами и утешилась

Пусть узнает сплетник, пусть ведает, кто ведает".

"Клянусь Аллахом, о госпожа, он еще не прочитает эту бумажку, как душа его расстанется с телом!" – воскликнул я. И девушка спросила: "О ибн Мансур, разве страсть дошла до такого предела, что ты сказал то, что сказал?" – "Если бы я сказал и больше, это была бы правда, прощение черта благородных", – ответил я. И когда она услышала мои слова, ее глаза наполнились слезами. И она написала ему записку (клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, у тебя в диване нет никого, кто бы умел так хорошо писать, как она!) и написала в ней такие стихи:

Доколе обвиненья и причуды?

Завистников ты, клянусь, утолил всю злобу.

Быть может, я проступок совершила,

Не ведая, – скажи, о чем узнал ты;

Хотела бы я положить, любимый,

Тебя на месте сна для век и глаза,

Без примеси пила любви я чашу,

Не укоряй, увидев, что хмельна я".

А окончив писать письмо..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать третья ночь

Когда же настала триста тридцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, окончив писать письмо и запечатав его, Будур подала его мне, и я сказал:

"О госпожа, поистине, это письмо исцелит больного и утолит жажду!"

А потом я взял письмо и вышел.

И девушка кликнула меня после того, как я вышел, и сказала: "О ибн Мансур, скажи ему: "Она сегодня вечером твоя гостья". И я сильно обрадовался этому и пошел с письмом к Джубейру ибн Умейру, и, войдя к нему, я увидел, что глаза его направлены к двери в ожидании. И я подал ему записку, и он развернул ее и прочитал и понял то, что в ней было, и тогда он издал великий крик и упал без памяти, а

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
очнувшись, спросил меня: "О ибн Мансур, она написала эту записку своей рукой, касаясь ее пальцами?" - "О господин, а разве люди пишут ногами? - отвечал я.

И, клянусь Аллахом, о повелитель правоверных, мы с ним не закончили еще своего разговора, как уже услыхали звон ее ножных браслетов в проходе, когда она входила. И, увидав ее, Джубейр поднялся на ноги, словно совсем не испытывал страданий, и обнял ее, как лям обнимает алиф [364], и оставила его слабость тех, кто над собою не властен. И потом он сел, а она не села, и я спросил ее: "О госпожа, почему ты не садишься?" И она отвечала: "О ибн Мансур, я сяду лишь с тем условием, которое есть между нами". - "А что это за условие между вами?" - спросил я. "Тайны влюбленных не узнает никто", - отвечала девушка, и затем она приложила рот к уху Джубейра и что-то тихо сказала ему, и тот ответил: "Слушаю и повинуюсь!"

И затем Джубейр поднялся и стал шептаться с одним из своих рабов, и раб исчез ненадолго и вернулся, и с ним был кади и два свидетеля. И Джубейр поднялся и принес мешок, в котором было сто тысяч динаров, и сказал: "О кади, заключи мой договор с этой женщиной при приданом в таком-то количестве". - "Скажи: "Я согласна на это", - сказал ей кади. И она сказала: "Я согласна на это". И договор заключили.

И тогда девушка развязала мешок и, захватив полную пригоршню, дала денег кади и судьям, а потом она подала Джубейру мешок с оставшимися деньгами. И кади с свидетелями ушли, а я просидел с ним и с нею, веселясь и развлекаясь, пока не прошла большая часть ночи. И тогда я сказал себе: "Они влюбленные и провели долгое время в разлуке - я сейчас встану и буду спать гденибудь вдали от них и оставлю их наедине друг с другом".

И я поднялся, но Будур уцепилась за мой подол и спросила: "Что сказала тебе твоя душа?" И я отвечал ей: "То-то и то-то". - "Сиди, а когда мы захотим, чтобы ты ушел, мы тебя отпустим", - сказала она. И я просидел с нами, пока не приблизилось утро, и тогда она сказала: "О ибн Мансур, ступай в ту комнату, мы постлали тебе там ложе и постель, и оно будет тебе местом сна".

И я пошел и проспал там до утра, а когда я проснулся утром, ко мне пришел слуга с тазом и кувшином, и я совершил омовение и утреннюю молитву. И потом я сел, и когда я сидел, вдруг Джубейр и его возлюбленная вышли из бани, которая была в доме, и оба они выжимали кудри. И я пожелал им доброго утра и поздравил их с благополучием и пребыванием вместе, и сказал ему: "Это начинается с условия, кончается согласием". - "Ты прав, и тебе надлежит оказать уважение", - ответил он. И затем он кликнул своего казначея и сказал ему: "Принеси мне три тысячи динаров!"

И казначей принес ему мешок, где было три тысячи динаров, и Джубейр сказал мне: "Сделай нам милость, (приняв это". А я отвечал: "Не приму, пока ты мне не расскажешь, почему любовь перешла от нее к тебе после такого великого отдаления". - "Слушаю и повинуюсь", - отвечал он. "Знай, что у нас есть праздник, который называется праздник новолетий, и в этот день все люди выходят и садятся в лодки и катаются по реке. И я выехал с друзьями прокатиться и увидел лодку, где было десять невольниц, подобных лунам, и эта Ситт-Будур сидела среди них, и с ней была ее лютня. И она ударила по ней на одиннадцать ладов, а затем вернулась к первому ладу и произнесла такие два стиха:

"Огонь холоднее, чем огни в моем сердце,

И мягче утес любой, чем сердце владыки.

Поистине, я дивлюсь тому, как он создан был

Ведь тело его - вода, а сердце, как камень".

И я сказал ей: "Повтори двустишие и напев - по она не согласилась..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста тридцать четвертая ночь

Когда же настала триста тридцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Джубейр ибн Умейр говорил: "И я сказал ей: "Повтори двустишие и напев".

Но она не согласилась, и тогда я велел матросам забросать ее, и они стали бросать в нее апельсинами так, что мы даже испугались, что потонет лодка, в которой она находилась.

И она уехала своей дорогой, и вот причина перехода любви из ее сердца в мое сердце".

И я поздравил их обоих с тем, что они вместе, и взял мешок и то, что было в нем, и отправился в Багдад".

И расправилась грудь халифа, и прошла мучившая его бессонница и стеснение в груди.